

РАЗДЕЛ 1. ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

УДК 930.1

А.В. Сперанский
Екатеринбург

ИСТОРИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ВЗГЛЯДЫ, ПОЗИЦИИ, УБЕЖДЕНИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая наука, методология истории, интерпретация истории, точка зрения, социальная память, научный подход, плюрализм.

АННОТАЦИЯ. Медленные темпы противоречивых преобразований, имеющаяся в стране нестабильность политической, экономической и идеологической ситуации, неясность путей дальнейшего развития объективно заставляют общество обращаться к прошлому в поисках позитивного исторического опыта. В этой связи рассматривается процесс осмысления русской истории на разных этапах развития, показывается сложность и неоднозначность ее восприятия историками, выражавшими разные взгляды и убеждения. Дается анализ основных интерпретаций истории России в трудах отечественных и зарубежных авторов, показывается значимость, позитивное и негативное влияние на осмысление исторического процесса религиозного, историко-материалистического, либерально-исторического, технологического и локально-исторического подходов. Главный авторский вывод сводится к необходимости плюралистического осмысления отечественной истории, дающего подлинно научное понимание происходивших ранее событий и процессов, обеспечивающего равноуважительное отношение к различным концептуально-методологическим интерпретациям, базирующимся на хорошо аргументированной теоретико-фактологической основе.

A.V. Speranskiy
Ekaterinburg

HISTORY AS SOCIAL MEMORY OF HUMANKIND: OPINIONS, LIFE ATTITUDES, BELIEFS

KEYWORDS: historical science, methodology of history, interpretation of history, point of view, social memory, scientific approach, pluralism.

ABSTRACT. The slow pace of contradictory changes, instability of political, economic and ideological situation in the country and vagueness of ways for further development objectively make society turn to the past in search for a positive historical experience. In this connection, the paper examines process of comprehending Russian history at different stages of development and shows complexity and ambiguity of its perception by historians who expressed different views and beliefs. The paper also gives an analysis of the main interpretations of Russian history in the works of domestic and foreign authors. The paper shows significance, both positive and negative influence on interpretation of historical process by different historical approaches (religious, materialistic, liberal, technological and local). The author's main conclusion is that we need a pluralistic interpretation of Russian history, which gives a truly scientific understanding of past events and processes as well as ensures equal and respectful attitude to various conceptual and methodological interpretations based on a well-reasoned theoretical and factual basis.

Многие историки, способные к методологическому осмыслению прошлого, с разной степенью успеха, пытались объяснить значимость накопления и использования исторических знаний в современной практике социальных отношений, определить место России, ее прошлого, настоящего и будущего в развитии мировой цивилизации. Только за последние годы по этой проблематике были опубликованы очень интересные и содержательные работы В. В. Алексеева², Б. В. Личмана³,

Сперанский Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН; 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; e-mail: avsperskiy@mail.ru.

Speranskiy Andrey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Political and Socio-cultural History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg Russia.

© Сперанский А. В., 2019

² Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. 643 с.

³ Личман Б. В. Толерантная история России. Многоконцептуальность. Екатеринбург: Изд-во УИЭУиП, 2008. 158 с.

Н. А. Нарочницкой¹, Л. П. Репиной² и других исследователей. Поэтому, размышления изложенные в этой статье, по сути являются продолжением уже начатого разговора и представляет собой авторский взгляд не претендующий на истину в последней инстанции, а призывающий к дальнейшей дискуссии.

По определению знаменитого французского историка Марка Блока, история является «социальной памятью человечества»³, а память, к сожалению, очень тонкий и не надежный инструмент. Процессы забвения, намеренного искажения и изъятия событий, характерные для памяти отдельного человека, в полной мере проявляются и в памяти всего человечества – истории. Профессионально не зафиксированный во время факт или событие может кануть в лету. Их можно характеризовать с самых разнообразных точек зрения, основываясь на политической, идеологической, экономической или какой-либо другой конъюнктуре. Можно намеренно вычеркнуть из истории, если они не вписываются в заранее разработанную научную или общественно-политическую схему.

Все вышеизложенное характерно и для истории России. Если взять все исторические труды, так или иначе касающиеся развития русской цивилизации: от древних летописей до современных публикаций, то их историографический анализ наглядно покажет огромное количество взглядов и мнений часто на одни и те же события и факты, подтверждающее популярную в последнее время в российском обществе формулу: «У России несколько историй...».

По нашему мнению, имеющиеся в русской истории точки зрения и научные концепции методологически можно разделить на три основные интерпретации, критериями которых выступают предмет исследования и представления об историческом процессе: религиозно-историческую, всемирно-историческую и локально-историческую.

Первые две интерпретации на определенных этапах изучения господствовали в понимании русской истории, третья никогда не поддерживалась большинством историков, но присутствовала и присутствует в методологии, как самостоятельное, оригинальное суждение.

Религиозно-историческая интерпретация формируется в русской истории с древних времен и основывается в первую очередь на православном осознании мирового исторического процесса. Примерно с XI по XVII вв. она господствует при написании летописей и первых исторических трактатов. В качестве предмета исследования в рамках этой интерпретации выступает духовная сторона жизни человека, основывающаяся на вере в скоротечность материального и вечность духовного мира. Несмотря на то, что в подобном понимании развития человеческой цивилизации огромное место занимают мистицизм и мифологизм, оно впервые попыталось ответить на определяющие исторические вопросы. Что представляет собой исторический процесс, каков его смысл? Что есть начало и конец человеческой истории? Каково внутреннее содержание исторического процесса, его структура?

Данные ответы с позиций сегодняшнего дня могут показаться не совсем совершенными и довольно наивными, но именно они заложили основы нашего миропонимания и восприятия мировой истории. В них есть некое рациональное зерно. Так, в определении исторического процесса, как движения человечества к Богу, в ходе которого оно освобождается от животных страстей и постигает некую абсолютную истину, ясно прослеживается линейно-стадиальный характер движения мировой истории по пути прогресса, взятый на вооружение большинством современных ученых.

С другой стороны, в выделении грехопадения Адама и Евы, как начала истории явно преобладает религиозная мифология, что вряд ли может удовлетворить стремление человечества к пониманию истоков своего происхождения. Утверждение, что конец истории является божественным приоритетом, выходит за рамки человеческого разума и не может быть предопределен, тоже достаточно сомнителен, а с позиций рационального восприятия истории несет в себе серьезное ограничение, так как объективно налагает запрет на возможность исторического прогнозирования.

Любопытен вывод религиозно-исторической интерпретации о том, что главным стержнем исторического развития человеческого общества является православное христианство. Этим объясняется неравномерность развития различных народов. Те общества, которые раньше всех восприняли христианство, стали лидерами исторического движения, опоздавшие вошли в группу «догоняющих», не вступившие на этот магистральный путь народы не имеют исторической перспективы и находятся в периферийно-языческом тупике.

В русской истории к трудам, написанным в рамках религиозно-исторической интерпретации, можно отнести: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.), «Повесть временных

¹ Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003. 536 с.

² Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

³ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.

лет» монаха Нестора, «Поучение детям» князя Владимира Мономаха, безымянное «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Моления» Даниила Заточника (XIII в.) «Задонщину», «Сказание о Мамаевом побоище» (XIV-XV в.), «Никоновскую летопись», «Степенную книгу» (XVI в.), «Синописис» Иннокентия Гизела, «Скифскую историю» Ивана Лызлова, «Жезл власти» Симеона Полоцкого, произведения Юрия Крижанича и др. (XVII в.).

Все эти исторические сочинения отличает понимание истории как реализации некоего божественного замысла, в ходе которого человечеству воздается как за добродетели, так и за грехи. История русского государства начинается с процесса внедрения и распространения в восточнославянских землях православной идеологии и деятельности равноапостольного и святого князя Владимира Святославича. Расширение границ древнерусской державы тесно связывается с миссионерской деятельностью Русской Православной церкви.

Религиозно-историческая интерпретация уступила приоритетные позиции в русской истории с начала XVIII века. Однако, отойдя на второй план, она продолжала существовать в трудах М. В. Толстого, Е. Е. Голубинского, А. Д. Нечволодова, Н. М. Никольского, А. В. Карташева, А. Д. Шмемана и других историков и писателей XVIII–XX вв. Православие оставалась стержневой линией исторического процесса в произведениях подобного рода. Исключением явились лишь «Философские письма» («Письма о философии истории») П. Я. Чаадаева, где высказаны мысли о том, что Россия исповедует ложную, туниковую религию, что обуславливает ее хроническое отставание от Запада и необходимость скорейшего принятия западных религиозно-культурных ценностей¹.

В XX веке религиозно-историческая интерпретация, в силу засилья марксистско-ленинской идеологии, практически отсутствовала в официальной истории России. Ее проявления наблюдались лишь в исторических сочинениях белоэмигрантов, таких как А. И. Деникин², П. Н. Краснов³.

В самой России религиозно-историческая интерпретация стала возрождаться лишь со второй половины 1980-х гг., что было связано с начавшимися в стране процессами демократизации. В конце XX – начале XXI века российское общество получило интересные работы В. А. Цыпина⁴, Д. В. Поспеловского⁵, В. Н. Якунина⁶, написанные в религиозно-историческом ключе.

С XVIII века в русской истории начинает утверждаться всемирно-историческая интерпретация, занимающая в ней лидирующие позиции и по настоящее время. Предмет исследования этой концепции всеобщий исторический процесс, характерный для всех народов мировой цивилизации. Он понимается как некое линейно-стадиальное движение человеческого общества по пути прогресса: от простого к сложному; от низшего к высшему. Впервые подобное представление человеческой истории фиксируется в трудах Г. Гегеля, затем получает развитие в произведениях К. Маркса. Будучи антиподами в философии (Гегель – идеалист; Маркс – материалист), оба мыслителя в целом одинаково представляли исторический процесс, развивающийся по определенным ступеням, в рамках которых проявляются одинаковые тенденции и закономерности. Так, Гегель выделял некие миры: восточный (азиатский), античный (греко-римский) и европейский (германский). Маркс же называл эти ступени формациями, выделяя азиатскую, рабовладельческую, феодальную и капиталистическую.

К первым русским историкам, еще раньше воспринявшим подобную концептуально-методологическую интерпретацию истории, можно отнести В. Н. Татищева. В своем труде «История Российская ...» он практически признает наличие всемирно-исторического процесса и считает историю России его составной частью. В XIX веке эта позиция была развита в знаменитом историческом трактате Н. М. Карамзина «История государства российского», произведении «западника» С. М. Соловьева «История России с древнейших времен».

К позитивным моментам всемирно-исторической интерпретации можно отнести возможность выявления общих тенденций и закономерностей исторического развития. Однако, они четко прослеживаются только при анализе истории наиболее развитых западноевропейских стран и США и не всегда проявляются в развитии стран Восточной Европы и России, не говоря уже странах Азии и Африки. Такого рода «европоцентризм» не способен отразить все многообразие и противоречивость мирового исторического процесса.

¹ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х т. М.: Наука, 1991. Т. I – 768 с.; Т. II – 672 с.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты [Избранное]. М.: Мысль, 1991. 212 с.

³ Краснов П. Н. Собрание сочинений. В 10-ти т. М.: Книговек, 2012. 7040 с.

⁴ Цыпин В. А. История Русской Православной Церкви. 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.

⁵ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М: Республика, 1995. 511 с.

⁶ Якунин В. Н. Положение и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: Изд-во Самарского университета, 2001. 400 с.

Кроме того, слабость всемирно-исторической интерпретации заключается в том, что она не представляет собой единого целого и распадается как минимум на три составляющие: историко-материалистическую, либерально-историческую и технологическую (модернизационную). Историко-материалистическая интерпретация базируется на марксистском понимании развития человеческой цивилизации. Ее предметом исследования являются общественные отношения тесно связанные с формами собственности. Исторический процесс представляется в виде смены общественных формаций на основе социально-экономического детерминизма. Главным двигателем прогресса определяется классовая борьба, кульминацией которой являются революции. С приходом в 1917 году в России к власти большевиков эта интерпретация приобретает главенствующий характер и практически вытесняет из русской истории все альтернативные точки зрения. Исторические представления К. Маркса «совершенствуются» в работах М. Н. Покровского и других историков-марксистов. Постепенно в советской методологии выстраивается очень утрированная схема человеческой истории, так называемая «пятичленка», включавшая в себя пять общественно-экономических формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и социалистическую, подразделенную на две фазы – социализм и коммунизм. Эта теория имела серьезную конъюнктурно-идеологическую подоплеку. Она обосновывала тезис о том, что Россия с 1917 года вступила в высшую стадию развития человечества, превратившись из отсталой страны в самую передовую державу мира, а также развивала идею миссионерской роли России в мировом процессе, сформировавшуюся еще в рамках религиозно-исторической интерпретации.

Либерально-историческая интерпретация начинает проявляться в русской истории со второй половины XIX века. Предметом исследования этого исторического направления является человеческая личность, а сам исторический процесс понимается как освоение человеком окружающей среды, завоевание им различных прав, свобод и т. п. Первым русским историком, подошедшим к либеральному пониманию истории является В. О. Ключевский, высказавший мысль о том, что история России не тождественна истории государства российского, а значительно шире, многообразней и интересней. В своих умозаключениях историк отходит от традиционного изложения исторических фактов и событий, связанных с этапами функционирования русского государства, периодами правления князей, царей и императоров, а акцентирует внимание на деятельности русского народа в ракурсе его культурно-бытового развития.

В «советский период» эта интерпретация не имела права на существование в силу гегемонии официального марксизма-ленинизма. Однако, начиная с середины 1980-х гг. в условиях разрешенного плюрализма, она привлекла к себе внимание многих российских историков и на современном этапе заняла, пожалуй, лидирующие позиции. Сегодня эта концептуальная модель активно используется в трудах С. В. Мироненко¹, Л. И. Семенниковой², Ю. Н. Афанасьева³, Е. В. Анисимова⁴, Б. Н. Миронова⁵ и других постсоветских историков. Отличительной чертой их понимания истории России является рассмотрение событий, фактов, процессов не с точки зрения их значимости для укрепления государственного могущества, а с точки зрения заплаченной за это русским народом «цены».

Технологическая или модернизационная интерпретация заявляет о себе в полный голос тоже после разрушения в русской истории «прокрустова ложа» марксизма-ленинизма. Предметом ее исследования определяется технологический процесс, лежащий в основе человеческого прогресса. Исторический процесс представляется в виде политических, экономических, социальных перемен, происходящих на базе научно-технических открытий не зависящих от идеологической сущности господствующих политических режимов. Всемирно-историческая направленность этой концепции выражается в признании определенных стадий, определяющих генеральную линию человеческой истории. Земная цивилизация эволюционирует от аграрного общества к индустриальному, постепенно переходя на информационную (постиндустриальную) ступень. В результате эффективного внедрения в социальную практику научно-технических инноваций одни народы опережают другие, что формирует в одних вариациях излагаемой концепции группы стран «опережающего» и «догоняющего» развития, в других – страны первого, второго и даже третьего «эшелона».

¹ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.

² Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: КДУ, 2009. 784 с.

³ Афанасьев Ю. Н. Опасная Россия: традиции самовласти сегодня. М.: ИЦ РГГУ, 2001. 424 с.

⁴ Анисимов Е. В. История России от Рюрика до Путина: люди, события, даты. СПб.: Питер, 2013. 592 с.

⁵ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России XVIII – начала XX века. М.: Весь мир, 2012. 844 с.

В русской истории подобные взгляды впервые обозначил Н. М. Карамзин, заявивший об отставании России от Запада вследствие существовавшего на русских землях 240-летнего татаро-монгольского ига. Затем эта точка зрения проявилась в трудах историков-западников, восхвалявших реформы Петра Великого, способствовавшие сокращению этого отставания. В конце XX – начале XXI вв. модернизационная составляющая всемирно-исторической интерпретации является основной парадигмой в трудах В. В. Алексеева¹, И. В. Побережникова², С. А. Нефедова³, О. Л. Лейбовича⁴, В. А. Красильщикова⁵ и ряда других исследователей отечественной истории.

Локально-историческая интерпретация, как и всемирно-историческая, сформировалась в ложах западной гуманитарной мысли. Предметом ее исследования признаются некие самобытные религиозно-культурные цивилизации, а исторический процесс понимается в виде их самостоятельного функционирования в рамках всеобщего исторического пространства. Каждая цивилизация имеет вполне определенную динамику своего развития, двигаясь от момента зарождения к своему расцвету, после которого неминуемо наступает упадок и гибель. Подобное историческое мышление было характерно для наиболее ярких адептов этой концепции, англичанина А. Тойнби, оформившего свою точку зрения в труде «Постижение истории» и немца О. Шпенглера, изложившего свои представления в книге «Закат Европы».

В русской истории локально-историческая интерпретация нашла проявление в развитии историко-философского течения «евразийства», первоначально имевшего сугубо политическую окраску, отразившуюся в теориях «Москва – Третий Рим», «официальной народности» и воззрениях славянофилов.

В научном плане евразийское направление впервые получило аргументированное оформление на рубеже XIX–XX вв. в трудах Н. Я. Данилевского, обратившего внимание на славянство, как на особый культурно-исторический тип с огромными потенциальными возможностями⁶ и К. Н. Леонтьева, выделившего в мировой истории особую религиозную славяно-азиатскую цивилизацию⁷.

В советской истории подобного рода рассуждения были табуированы, поэтому «евразийство» будоражило сознание только представителей эмиграционных кругов. Они проявлялись в трудах философа и экономиста П. Н. Савицкого, культуролога и искусствоведа П. П. Сувчинского, но особенно ярко были представлены в произведениях историка Г. В. Вернадского. Объясняя самобытный путь развития России, он подчеркивал три основных фактора, влиявших на его специфику. Географический, определивший местонахождение России на двух континентах – Европы и Азии. Духовный, предопределивший слияние европейской и азиатской культуры в причудливый, не имеющий аналогов симбиоз. Политический, обеспечивавший вхождение в состав России многих ранее самостоятельных государств и тем самым вносящий оригинальность и своеобразие в ее управление⁸.

В самой России цивилизационные представления об историческом процессе стали открыто высказываться лишь со второй половины 1980-х гг., когда политическая демократизация стала «размывать» бастионы историко-материалистической интерпретации. Новая идейная волна, замешанная, как на инновационных, так и на конъюнктурных соображениях, неудержимо смела все преграды «отжившей», как тогда казалось, политической и исторической доктрины. Она породила безбрежное море концептуального хаоса, в котором, наряду с естественной в подобных ситуациях «пенной» различного рода фантазмагорических версий исторического развития России, нашлось место и оригинальным теориям. К ним вполне можно отнести, выстроенную в локально-историческом ключе, концепцию Л. Н. Гумилева, «последнего евразийца», рассмотревшего мировой исторический процесс сквозь призму жизнедеятельности различных этносов, имеющих единую территорию проживания и обладающих некой «пассионарностью», круто замешанной на симбиозе антропологических, психологических, культурологических, географических и климатических факторов⁹.

¹ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. 643 с.

² Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.

³ Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. В 2 т. М.: Территория будущего, 2010, 2011. Т. I – 560 с. Т. II – 688 с.

⁴ Лейбович О. Л. Модернизация в России: К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь: ЗУУНЦ, 1996. 156 с.

⁵ Красильщиков В. А. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: Инфомарт, 1994. 115 с.

⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2017. 560 с.

⁷ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философия и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М.: Республика, 1996. 798 с.

⁸ Вернадский Г. В. Русская история. М.: Аграф, 1997. 542 с.

⁹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М.: Эксмо, 2007. 760 с.

Подводя краткие итоги выше изложенному, отметим, что трудности нового методологического осмысления российской истории, порождает огромное количество порой совершенно противоположных мнений по одной и той же проблеме. Это порождает концептуальный хаос, мешающий объективной оценке исторических событий, часто приводящий к «брожению умов», принижению роли России в мировом развитии, дезориентирует народные массы в вопросе отношения к собственной истории.

Чтобы выйти из концептуального хаоса можно вернуться к формационному подходу в понимании истории, сделав шаг назад по причине несовершенства ее основополагающих постулатов и дискредитации основной идеи. Но другой универсальной теории в последние четверть века не сложилось. Современные изыскания в области методологии истории не выдвинули нового общепринятого мессии способного объяснить все сложности и противоречия исторического развития.

Значит необходимо движение вперед на основе равноуважительного отношения к различным концептуально-методологическим интерпретациям, объясняющим исторические процессы. При условии, если они зиждутся на солидных, подкрепленных широкой источниковой базой, аргументах, а не на сиюминутных псевдоисторических инсинуациях, базирующихся на идейно-политической или коммерческой конъюнктуре. По нашему мнению, изложение русской истории в современных условиях должно характеризоваться концептуальной историографичностью, то есть отражением всего спектра мнений на известные нам события. Именно с этих позиций должны строиться современные программы и учебники по истории России, подготавливаться новые научные труды.

Источники и литература:

- Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. 643 с.
- Личман Б. В. Толерантная история России. Многоконцептуальность. Екатеринбург: Изд-во УИЭУиП, 2008. 158 с.
- Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003. 536 с.
- Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
- Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х тт. М.: Наука, 1991. Т. I – 768 с.; Т. II – 672 с.
- Деникин А. И. Очерки русской смуты [Избранное]. М.: Мысль, 1991. 212 с.
- Краснов П. Н. Собрание сочинений. В 10-ти т. М.: Книговек, 2012. 7040 с.
- Цыпин В. А. История Русской Православной Церкви. 1917–1997. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.; и др.
- Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.; и др.
- Якунин В. Н. Положение и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: Изд-во Самарского университета, 2001. 400 с.; и др.
- Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 240 с.; и др.
- Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: КДУ, 2009. 784 с.; и др.
- Афанасьев Ю. Н. Опасная Россия: традиции самовластия сегодня. М.: ИЦ РГГУ, 2001. 424 с.
- Анисимов Е. В. История России от Рюрика до Путина: люди, события, даты. СПб.: Питер, 2013. 592 с.; и др.
- Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России XVIII – начала XX века. М.: Весь мир, 2012. 844 с.; и др.
- Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
- Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. В 2 т. М.: Территория будущего, 2010, 2011. Т. I – 560 с. Т. II – 688 с.
- Лейбович О. Л. Модернизация в России: К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь: ЗУУНЦ, 1996. 156 с.
- Красильщиков В. А. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М.: Инфомарт, 1994. 115 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2017. 560 с.
- Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философия и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891). М.: Республика, 1996. 798 с.
- Вернадский Г. В. Русская история. М.: Аграф, 1997. 542 с.; и др.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М.: Эксмо, 2007. 760 с.; и др.